

УДК 327.7; 327.8;339.9

РОССИЯ, КИТАЙ И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2015 г. **М.В. Братерский, Д.В. Суслов***

Поворот к Азии со стороны России и США начался примерно в одно и то же время – около шести лет назад, и сегодня политический и экономический пейзаж Евразии и АТР определяется сложнейшим взаимодействием китайских, американских и отчасти российских интересов в этом макрорегионе. Фокусом российско-китайского взаимодействия стали интеграционные и транспортные проекты в Евразии, на которые имеют свой взгляд и Соединённые Штаты. Американско-китайское взаимодействие в большей степени завязано на будущее Афганистана, что не может быть безразлично и России.

Ключевые слова: «Новый шёлковый путь», ЕАЭС, Афганистан, ШОС, ОДКБ.

До недавнего времени место Центральноазиатского и Азиатско-Тихоокеанского регионов в политике КНР и России выглядело асимметрично. В то время как КНР энергично осваивала пространство АТР и с нарастающей интенсивностью взаимодействовала с партнёрами в Центральной Азии, Россия присутствовала на Дальнем Востоке достаточно пассивно и лишь в отдельных секторах – ВМС, рыболовство, энергетические проекты Сахалина. В Центральной Азии стержнем российской политики было сохранение статус-кво, сложившегося после распада СССР. Россия избегала глубокой вовлечённости в экономическую динамику региона, ограничиваясь общими усилиями по поддержанию политической стабильности, и фокусировала свои экономические интересы на вопросах производства и транспортировки энергии из региона ЦА, использования центральноазиатских трудовых ресурсов и, отчасти, в сбыте в страны ЦА своей промышленной продукции.

Определённая асимметрия российской и китайской политик в Азии проявлялась и в том, что выход на Тихий океан был стержнем китайской политики безопасности во внешнеэкономической стратегии, а для России это направление долгое время было скорее политическим, чем экономическим приоритетом. Основные торговые и финансовые интересы России лежали на Западе, и идея серьёзного экономического вовлечения в АТР долгое время выглядела достаточно умозрительной.

В отношении ЦА асимметрия проявлялась в том, что Россия довольно долго оставалась державой статус-кво, добровольно дистанцировавшейся от региона в сравнение со своей глубокой вовлечённостью в предыдущие 150 лет, а

* **БРАТЕРСКИЙ** Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор НИУ-ВШЭ. Email: bratersky@gmail.com; **СУСЛОВ** Дмитрий Вячеславович – заместитель директора исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), старший преподаватель НИУ-ВШЭ. Email: dsuslov@hse.ru

КНР, наоборот, наращивала своё присутствие с нуля. Соответственно, Россия проводила более консервативную политику, а КНР – более динамичную и наступательную. Эта асимметрия не исчезала и позднее, когда начиная с середины 2000-х годов Россия, осознав опасность утраты доминирующих позиций в Центральной Азии, стала проводить в регионе более энергичную политику.

Так, Москва применила значительные политико-дипломатические ресурсы для недопущения выстраивания прямого энергетического сотрудничества центральноазиатских стран с Европейским Союзом и пыталась (правда, с меньшим рвением и безуспешно) воспрепятствовать строительству прямых нефте- и газопроводов из стран ЦА в Китай. Одновременно она активно поддерживала созданное в 2000 г. Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) с участием таких стран ЦА, как Казахстан, Киргизия и Таджикистан* и рассматривала его в качестве главного формата экономического сотрудничества и интеграции в Центральной Азии. При этом одной из основных задач ЕврАзЭС применительно к центральноазиатскому региону было и остаётся сдерживание китайской торгово-экономической экспансии, и привязка стран региона к россицентричному экономическому порядку, не допущение их превращения в часть экономической периферии КНР. Наконец, Россия поддерживает возможное участие Киргизии и Таджикистана в главных проектах интеграции на постсоветском пространстве – Таможенном союзе, Едином экономическом пространстве и Евразийском экономическом союзе, – с той же геополитической по своей сути цели.

Однако это не помогло преодолению асимметрии российского и китайского подходов в Центральной Азии. Даже активизировав свою политику, Россия оставалась державой статус-кво: её действия были направлены прежде всего на сдерживание экономического усиления в регионе других держав в гораздо большей степени, чем на наращивание собственного участия в региональной экономической жизни. Действия же Китая по-прежнему носили ярко выраженный наступательный и энергичный характер. Кроме того, если Москва преимущественно делала упор на создание многосторонних форматов и режимов экономического сотрудничества и интеграции, то Пекин действовал в основном в двустороннем формате, особенно в свете того, что Россия долгое время блокировала его инициативу о создании зоны свободной торговли Шанхайской организации сотрудничества и спускала инициативы о развитии многостороннего экономического сотрудничества в рамках ШОС на тормозах. При этом его позиции в экономике ЦА продолжали укрепляться: к концу 2000-х годов он обошёл Россию и стал главным торгово-экономическим партнёром большинства стран региона по объёму товарооборота и добился создания прямых не подконтрольных Москве трубопроводов из стран Центральной Азии.

Наконец, если действия Китая преследовали прежде всего экономические цели (расширение рынка сбыта своих товаров и обеспечение гарантированного доступа к энергоресурсам), то политика России в регионе носила в основном геополитический характер. Большой коммерческой выгоды от интеграции Киргизии и Таджикистана в Таможенный союз и ЕЭП не просматривается. На-

* Узбекистан был участником Сообщества с 2006 по 2008 год.

против, они могут принести с собой серьёзные проблемы и риски. Тем не менее, Москва настаивает на том, что дверь в ЕЭП и Таможенный союз для них также остается открытой. Причина в стремлении удержать эти страны в своей интеграционной орбите, т.е. сохранить статус-кво.

Однако в последние 2–3 года ситуация начинает постепенно меняться. По ряду причин, как политических, так и экономических, Россия анонсирует свой «поворот» на Восток, интенсификацию политики и внешнеэкономических связей в АТР, ускоренное развития регионов российского Дальнего Востока. Президент Путин объявил развитие Сибири и Дальнего Востока, которое без тесной, но продуманной интеграции России в АТР попросту невозможно, стратегической задачей страны на весь XXI век. В свете же нового резкого ухудшения российско-западных отношений и де-факто возрождения разделительной линии в Евро-Атлантике, отделяющей РФ от остальной части Европы в политическом и геополитическом смысле, актуальность развития сотрудничества РФ в Азии усиливается. Российские декларации сопровождаются реальными шагами по активизации российской дипломатии и внешнеэкономических связей в АТР. В регионе, в котором в начале 2010-х годов намечалась поляризация между двумя главными центрами силы – США и Китаем, стала появляться новая, третья сила. Москва сразу дала понять, что вектор её внешнеполитических и внешнеэкономических усилий в АТР направлен не только на Китай, стратегическое партнёрство с которым уже состоялось, но и на другие страны региона – Японию, Южную Корею, государства АСЕАН.

Одновременно активизируется и китайская политика в Центральной Азии и на западном направлении в целом. В сентябре 2013 г. руководитель КНР Си Цзиньпин совершил беспрецедентное в китайской внешней политике турне по Центральной Азии и, выступая в университете в Астане, провозгласил масштабную инициативу экономического коридора «Новый шёлковый путь», которая, скорее всего, станет главным приоритетом внешней политики Китая в отношении стран ЦА на ближайшие годы. Она предполагает качественное наращивание торгово-экономического сотрудничества и даже в некоторой степени интеграции по оси Китай – Центральная Азия – Закавказье – Россия, создание торгово-экономического коридора, призванного соединить Тихий океан и Европу с особым прицелом на отношения КНР и стран Центральной Азии. Это – принципиально важное событие в развитии внешней политики Китая. Во-первых, оно свидетельствует о повышении приоритетности западного направления китайской внешней политики в целом, которое достигло доктринального уровня, о стремлении Пекина уравновесить приоритетность региона Юго-Восточной Азии для Китая созданием благоприятных условий на западе. Во-вторых, КНР впервые предложила для многостороннего сотрудничества со странами ЦА собственную модель, ориентированную на Пекин. Ранее Китай предпочитал действовать или в рамках ШОС, где лидерство разделяется с Россией примерно пополам, или в одностороннем порядке.

В результате интенсификации российской дипломатии в АТР и китайской в Центральной Азии асимметрия в степени и формах российской и китайской вовлечённости постепенно может начать нивелироваться, а вопросы взаимодействия России и КНР в этих регионах становятся всё более многосложными

и неоднозначными. В обоих регионах они выступают и партнёрами и конкурентами одновременно, обладая как совпадающими, так и параллельными и противоположными интересами. Появляются не только предпосылки для усиления конкуренции двух стран, но и новые возможности для сотрудничества.

Как представляется, уместным будет проанализировать баланс российско-китайских интересов в этих двух географических регионах по отдельности. Несмотря на то, что определённые цели и потенциальные проекты – например, транспортные и энергетические – связывают интересы двух стран, различий между направлениями политики России и Китая в АТР и ЦА всё же больше. ЦА для КНР и для России представляет собой в большей степени экономический интерес, хотя обе страны не могут игнорировать и военно-политические вызовы в регионе. АТР же для КНР и России – это и важнейший регион мировой политики, и центр мирового экономического роста. Это также эпицентр растущей глобальной конкуренции за доминирование в регионе – и в АТР важнейшим фактором, в отличие от ЦА, является фактор США.

Американский фактор в российско-китайских отношениях также неоднозначен и на региональном и на глобальном уровнях. На региональном уровне фактор США выступает и как объединительная основа для российско-китайского сотрудничества, и как источник возможных разногласий. И Москва, и Пекин однозначно заинтересованы (каждая по своим причинам) в минимизации присутствия и влияния США в Центральной Азии, которое, впрочем, и само постепенно снижается. В Восточной же и Юго-Восточной Азии повестки двух стран расходятся, и Китай весьма ревностно воспринимает российские попытки сблизиться с американскими союзниками в регионе, которые одновременно являются оппонентами и соперниками Поднебесной.

На глобальном уровне фактор США характеризуется прежде всего началом нового этапа борьбы за выработку нового международного порядка в Евразии и в мире в целом, в которой главными оппонентами Америки выступают именно Россия и Китай. Данное начало связано с острейшим со времен «холодной войны» кризисом российско-американских и российско-западных отношений, разразившимся зимой 2013–2014 г. и спровоцированным событиями в Украине – государственным переворотом 22 февраля, присоединением Россией Крыма и началом гражданской войны на востоке Украины. В результате отношения Россия – США перешли в новое состояние – «мягкой» и ограниченной конфронтации, преодолеть которую, однако, будет непросто и вряд ли возможно в ближайшие несколько лет. Но природа этого кризиса значительно глубже и шире, чем просто очередная, пускай и самая ожесточённая, российско-американская схватка за Украину. На кону – правила игры во взаимоотношениях великих держав, в данном случае России и США, на постсоветском пространстве, в Европе, в Евразии и в мире в целом, и в этой борьбе Москва чувствует поддержку и симпатию (иногда более явную, иногда менее) Китая и других ключевых незападных центров силы (Индия, Бразилия).

Аналогичную борьбу за новые правила игры, новый международный порядок, в более мягкой и скрытой, форме, с Соединёнными Штатами уже длительное время ведёт Китай. В силу масштабной торгово-экономической взаимозависимости с Америкой он не может позволить себе сорваться в открытую

конфронтацию с ней, однако он, как и Россия, последовательно отрицает так называемое «глобальное лидерство» США и продвигает такую конфигурацию торгово-экономических отношений в Восточной и Юго-Восточной Азии, которая бы по сути выталакивала США из региона. Уже в последние несколько лет тенденция усиления соперничества Китая и США в АТР явно преобладает над их сотрудничеством, хотя последнее, безусловно, сохраняется и будет сохраняться в обозримой перспективе. Причём это соперничество приобретает не только военно-политические (здесь оно носит открытый характер, и обе державы рассматривают друг друга в качестве потенциальных военных противников) и геополитические (стремление США консолидировать вокруг себя страны, опасующиеся усиления китайской мощи), но и экономические формы.

В результате впервые с 1950-х годов происходит одновременное ухудшение и российско-американских и китайско-американских отношений. Оно сопровождается как консолидацией вокруг США тех стран в Европе и Азии, которые откровенно опасаются РФ и КНР, так и ещё большим сближением последних. Не случайно, что подписание 21 мая 2014 г. в Шанхае исторического по своему значению газового контракта между Пекином и Москвой в ходе визита президента Путина в Китай, ставшего плодом трудного компромисса и итогом длительных переговоров, пришлось именно на период начала новой российско-американской конфронтации и эскалации напряжённости российско-западных отношений в целом. Разумеется, динамика российско-американских и американо-китайских отношений и их природа существенно отличаются. Но Россия и Китай, бесспорно, находятся по одну сторону баррикад в части прекращения затянувшегося переходного периода в мире, длящегося со времен окончания «холодной войны» и распада биполярности, и движения к новому международному порядку, и в 2014 г. это движение значительно ускорилося. Соединённые же Штаты впервые с начала 1950-х годов, укрепляя свои позиции в Европе, в Восточной и Юго-Восточной Азии, «теряют» евразийский «хартленд».

Вместе с тем, ни о каком российско-китайском союзе против США говорить не приходится. Во-первых, Китай в силу экономической взаимозависимости от США и американских союзников в регионе не пойдёт на открытое противостояние Америке, по крайней мере в среднесрочной перспективе. Его экономическое благосостояние напрямую зависит от доступа на американский рынок и рынки стран АТР, находящихся с США в союзнических и партнёрских отношениях. Во-вторых, вступив в этот гипотетический союз, Россия оказалась бы в весьма неравных условиях с Китаем и играла бы в нём роль «младшего брата». Уже сейчас нет сомнений, что именно КНР становится главным выгодополучателем от новой российско-американской конфронтации. Пекин не ссорится с США напрямую, укрепляет свои позиции в Евразии за счёт сближения с Москвой и получает более податливого северного партнёра, возможности для дипломатического манёвра которого сильно сокращаются. В-третьих, сама Россия не заинтересована попадать в чрезмерную внешнеполитическую зависимость от КНР, и её стратегические интересы и в АТР и тем более в Центральной Азии далеко не полностью совпадают с китайскими.

Тем самым, имеет место сложное переплетение интересов России и США в регионах, где страны имеют или могут иметь наиболее интенсивное взаимодействие, включающее в себя различные конфигурации интересов на различных уровнях, согласование которых и тем более проведение адекватной политики, требует продуманного, основанного на глубоком анализе подхода и большой ловкости. При этом данная ситуация свидетельствует о том, что в российско-китайских отношениях в этих регионах действует правило игры с положительной, а не с нулевой суммой.

Интересы России и КНР в Центральной Азии

Центральная Азия – традиционный и давний регион российско-китайского взаимодействия. Обе державы непосредственно с ним граничат и обе имеют в нём важные интересы экономического и политического характера. Главная площадка многостороннего взаимодействия России и Китая в ЦА – Шанхайская организация сотрудничества, деятельность которой распространяется на вопросы как экономики, так и безопасности.

При этом принято считать, что, несмотря на весьма позитивную официальную риторику и наработанный в рамках ШОС и за её пределами багаж сотрудничества, преобладающей тенденцией российско-китайских отношений в Центральной Азии представляется конкуренция. Стороны соперничают за контроль над центральноазиатскими энергоресурсами и за маршрутами их поставок, и Россия стремится ограничить масштабы торгово-экономической экспансии Китая в регион с тем, чтобы не допустить экономического доминирования КНР, за которым, скорее всего, последует доминирование политическое. Москва также опасается превращения Центральной Азии в перевалочный пункт и коридор, по которому китайские товары могут в ещё более массовом и менее контролируемом порядке хлынуть на рынок самой России. Пекин же, напротив, стремится либерализовать торгово-экономические отношения как со странами Центральной Азии отдельно, так и в целом в рамках пространства Китай – Центральная Азия – Россия. Именно на это была нацелена не поддержанная Москвой китайская инициатива создания зоны свободной торговли ШОС, и эту же цель фактически преследует новейшее предложение КНР о создании экономического пояса «Новый шёлковый путь».

Однако более детальный анализ показывает, что тезис о якобы неизбежной и нарастающей конкуренции России и Китая в ЦА как минимум преувеличен, сама эта конкуренция вполне поддаётся управлению, а интересы двух стран в регионе – согласованию и сближению.

Россия имеет в Центральной Азии три группы интересов: политические, экономические и геополитические. Политический интерес состоит в сохранении в странах ЦА стабильности, предотвращении региональных конфликтов, смягчении межгосударственных противоречий, недопущении превращения стран региона в «несостоявшиеся государства», и в целом серьёзных внутриполитических кризисов, укреплении государственных институтов стран региона, противодействии наркотрафику, организованной преступности и терроризму, ослаблении в регионе политического и религиозного экстремизма и в це-

лом масштабных проявлений экстремизма, которые смогли бы привести к появлению масс беженцев, гуманитарным катастрофам, укоренению в регионе экстремистских движений с амбициями регионального масштаба. Серьёзные проблемы в этой связи представляют Узбекистан, где вопрос наследования власти становится всё более острым, Таджикистан, балансирующий на грани гражданской войны и испытывающий на себе дестабилизирующее давление со стороны Афганистана, и Киргизия, государственная слабость которой и раскол по-прежнему не преодолены. Данные проблемы неразрывно связаны с интересами безопасности и по сути дела представляют собой единое целое.

Экономические интересы России в ЦА состоят в (1) обеспечении доступа российских компаний к природным ресурсам региона, прежде всего углеводородам, урану и металлам; (2) максимизации транзита грузооборота ЦА с окружающим миром через российскую транспортную инфраструктуру; (3) использовании трудовых ресурсов стран ЦА как в форме импорта рабочей силы, так и путём размещения трудоинтенсивных производств; (4) обеспечении сбыта российской промышленной продукции в странах ЦА; (5) избирательном вовлечении стран ЦА в иницируемые Россией экономические интеграционные проекты (ЕврАзЭС, Евразийский экономический союз) для повышения глобальной экономической конкурентоспособности России и стран региона и укрепления международного статуса Москвы как центра силы многополярного мира.

Геополитические интересы России, отстаиваемые по крайней мере частью её политической элиты, заключаются в ослаблении в регионе влияния других центров силы и сохранении в Центральной Азии преобладающего влияния самой РФ, удержании региона в орбите продвигаемых ею экономического порядка (ЕврАзЭС, двусторонние экономические режимы) и системы безопасности (ОДКБ и двусторонние отношения в области безопасности). При этом иницируемые и поддерживаемые РФ объединения и организации служат продвижению как её геополитических, так и более конкретных экономических интересов и задач в сфере безопасности. Они неразрывно связаны. Примечательно, что среди институтов, ориентированных на укрепление политической стабильности и стимулирование экономического роста в регионе ЦА Россия отдаёт предпочтение именно тем, доминирующие позиции в которых принадлежат ей самой. Так, гораздо большие ресурсы в части укрепления безопасности стран региона (борьба с наркотрафиком, терроризмом и экстремизмом) Москва вкладывает в ОДКБ, нежели в ШОС. Равным образом, развитие экономического сотрудничества в рамках ЕврАзЭС представляется для неё гораздо более приоритетным, чем развитие экономической составляющей ШОС.

Китайские интересы в ЦА также имеют политический и экономический аспект, хотя их политическая составляющая менее выражена: из региона исходит сравнительно небольшая угроза китайским интересам безопасности, так как уйгурский вопрос в КНР в целом находится под контролем (несмотря на совершаемые время от времени теракты), а массовой трудовой миграции из ЦА в КНР не наблюдается. Тем не менее, Китай не заинтересован в тотальной дестабилизации стран Центральной Азии и превращении региона в рассадник терроризма, политического и религиозного экстремизма. В этом случае угроза терроризма и экстремизма в западных провинциях КНР возрастет. Также

стоит отметить отсутствие у Пекина стремления создавать в Центральной Азии региональный международный порядок, ориентированный на Китай, и рассматривать такое сообщество в качестве инструмента продвижения более узких интересов. КНР скорее мыслит в категориях конкретных интересов, а не сообществ.

Основные же интересы КНР в регионе носят экономический характер, и их можно охарактеризовать как 1) обеспечение доступа к природным ресурсам ЦА, прежде всего энергетическим; 2) доступ китайской продукции на местные рынки; 3) использование и развитие транспортной инфраструктуры ЦА для расширения китайского транзита и экспорта в другие страны региона.

Геополитический аспект китайских интересов в данном регионе заключается в минимизации, а в идеале и полном устранении, из него американского присутствия и влияния и предотвращения использования Центральной Азии в американской стратегии «окружения» и военно-политического сдерживания КНР. Примечательно, что Пекин выражал и выражает даже большее беспокойство в связи с возможным долгосрочным присутствием США в Афганистане и в Центральной Азии, чем Москва. Также КНР стремится не допустить распространения в Центральной Азии влияния тех региональных центров силы, кого он считает своими соперниками (это прежде всего Индия).

Интересы безопасности России и КНР в регионе в целом не противоречат друг другу, а довольно гармонично друг друга дополняют, о чём свидетельствует положительный опыт работы ШОС в данной области. И Москва, и Пекин рассматривают политический и религиозный экстремизм в качестве угрозы и стремятся не допустить усиления радикалов в политических системах центральноазиатских стран. Обе страны солидарны в оценках угроз со стороны транснационального исламистского терроризма и разделяют опасения, связанные с возможностью ещё большей дестабилизации Афганистана и усиления движения Талибан. Разумеется, есть некоторые различия в конкретных оценках (например, Китай более расположен к возможному прагматическому сотрудничеству с талибами в случае их резкого усиления в Афганистане при условии, если те не будут поддерживать силы, связанные с уйгурскими сепаратистами и не будут подрывать стабильность центральноазиатских режимов, а также выражает меньшую обеспокоенность афганским наркопроизводством), но они не носят принципиальный характер, не нарушают общего согласия и не препятствуют сотрудничеству.

Различия заметны не столько в интересах в сфере безопасности как таковых, сколько в методах их реализации. Китай стремится содействовать борьбе с экстремизмом в странах Центральной Азии и укреплять их государственные институты в рамках ШОС, в то время как Россия основной акцент делает на ОДКБ. Тем не менее, данные усилия скорее дополняют, нежели дублируют друг друга. Китай не критикует деятельность ОДКБ и не стремится создать в регионе новую организацию в сфере безопасности без участия России, Москва же не отстраняется от взаимодействия в рамках ШОС. Несмотря на то, что материальные и политические ресурсы, которые Москва вкладывает в ОДКБ, в разы превышают её вклад в ШОС, сотрудничество по вопросам безопасности

в рамках последней имеет место, и по нему были достигнуты весьма неплохие результаты.

Определённая дисгармония между российскими и китайскими интересами в Центральной Азии видна в экономической области, хотя и в этой сфере интересы КНР и России чаще параллельны, чем противоречивы.

Вопрос о доступе к энергетическим и сырьевым ресурсам региона со стороны российских и китайских компаний не критичен, так как Россия сама – экспортёр сырья, и китайский импорт из Центральной Азии никак не подрывает российский экспорт, разве что создаёт ему некоторую конкуренцию по ценам. Вместе с тем, большинство сырьевых товаров – биржевые, так что существенной ценовой конкуренции возникнуть попросту негде. Единственный экспортный продукт, где такая конкуренция наблюдается, и российская сторона несёт от неё некоторые потери – это поставки трубопроводного газа в КНР из России и стран Центральной Азии.

Кроме того, принято считать, что контроль над центральноазиатским газом имеет для РФ стратегическое значение с учётом постепенного истощения её собственных запасов и дороговизны разработки новых. В этой связи Москва уже многие годы осуществляет реэкспорт газа из стран ЦА в ЕС и покрывает с его помощью собственные контрактные обязательства перед европейскими потребителями. Частичное же перераспределение газа Центральной Азии на Китай ограничивает возможности РФ по «перебрасыванию» центральноазиатского газа в Евросоюз. Это, разумеется, не трагедия, и долгосрочный эффект от ограничения российских возможностей можно легко и незатратно компенсировать. Истощение собственных месторождений может носить положительный характер: Москва будет вынуждена внедрять инновации, модернизировать газовую отрасль и инвестировать в новые месторождения. Однако в кратко- и среднесрочной перспективе она будет испытывать определённое неудобство.

Вопрос о доступе российских и китайских компаний к рынкам сбыта в ЦА имеет скорее символическое, чем практическое значение. Россия традиционно присутствует на некоторых специализированных рынках в ЦА (военная техника и запчасти, энергетическое оборудование), в других же секторах ей нечего предложить центральноазиатскому покупателю. Наконец, вопрос доступа к транспортной инфраструктуре также не является непреодолимым препятствием. Монополистом на все транспортные артерии, ведущие на Запад и Юг, Россия всё равно быть не может, и разумное участие КНР в развитии транспортных сетей в регионе, особенно обращённых на Китай, выглядит вполне естественным. При этом, конечно, необходимо поддержание баланса между интересами России, которая хотела бы модернизировать инфраструктуру транзита через свою территорию (в частности БАМ и Транссиб) и других участников, которые предпочли бы иметь больше альтернатив транзита.

В геополитической сфере имеет место мягкая конкуренция России и Китая в регионе, сопровождающаяся при этом сотрудничеством, и их интересы, частично совпадая, частично расходясь, в целом разнонаправлены.

Россия рассматривает Центральную Азию как регион, который должен относиться к ориентированному на неё порядку безопасности (это достигается посредством ОДКБ, в которой участвуют все страны региона, кроме Туркме-

нистана и Узбекистана, в очередной раз приостановившего своё участие в организации в 2012 г.) и отчасти к ориентированному на неё проекту региональной интеграции. Последнее в полной мере распространяется на Казахстан и в меньшей степени на Киргизию и Таджикистан. Эти страны заявляют о своей заинтересованности участвовать в ЕЭП и Таможенном союзе, но пока держатся «в предбаннике» – в ЕврАзЭС с перспективой присоединения к более продвинутым интеграционным форматам в более отдалённой перспективе. При этом здесь определяющую роль играет именно геополитическая, а не экономическая логика. Тем самым, Москва стремится стать в регионе если не гегемоном, то, по крайней мере, используя американскую терминологию, «незаменимой державой», которая выступала бы в роли главного арбитра и имела бы право «последнего голоса». В этой связи Москва весьма ревностно относится к усилению в Центральной Азии роли других центров силы, хотя и понимает, что это неизбежно, и данным процессом разумнее управлять, чем пытаться его предотвратить в целом.

Россия и Китай полностью солидарны в своём противодействии американской инициативе «Большой Центральной Азии», активно продвигавшейся администрацией Дж. Буша-мл. и предполагавшей консолидацию Центральной Азии и Афганистана в единый регион, который играл бы роль независимой (прежде всего от России и КНР) геополитической силы, был бы внешнеполитически ориентирован на Вашингтон, и региональным лидером в котором выступал бы Казахстан. Последний США рассматривали в качестве перспективного «стратегического партнёра» и в период администрации Буша всячески обхаживали. Сегодня же Москва и Пекин консолидированно выступают против инициативы администрации Обамы «Новый шёлковый путь» (не следует путать с китайским проектом с идентичным названием), нацеленной на развитие экономического сотрудничества стран ЦА с Афганистаном, причем без учёта инструментов и наработок ШОС и ЕврАзЭС, но под общим руководством США. Также Россия и Китай препятствуют попыткам США наладить между спецслужбами центральноазиатских стран сотрудничество по борьбе с наркотрафиком – опять-таки, в обход уже имеющихся инструментов ОДКБ и ШОС и без участия Москвы и Пекина. Наконец, они в унисон возражали против имевших место в 2012–2013 гг. намерений США продлить своё военное присутствие на авиабазе Манас в Киргизии на период после 2014 г. и на неопределённую перспективу.

Надо признать, что оценки и подходы России и Китая к роли США в Центральной Азии нельзя назвать идентичными. Москва понимает, что усиление роли Пекина в регионе, которое следует за ослаблением роли Вашингтона, не совсем в её интересах, а потому время от времени она стремится использовать фактор США для «уравновешивания» Китая. Кроме того, Россия признаёт позитивную роль, которую США играли в Афганистане в части борьбы с талибами и Аль-Каидой и попыток стабилизации и восстановления этой страны в принципе, а потому её подход носит весьма сбалансированный характер.

Подход же КНР более категоричен и представляет собой «игру с нулевой суммой» в более чистом виде. Китай выступает за скорейший уход США из Центральной Азии и даже Афганистана и не допускает возможности того,

чтобы Вашингтон сохранил своё военное присутствие в этой стране ещё на какой-либо срок, даже если это необходимо с точки зрения борьбы с талибами и предотвращения скатывания Афганистана в полный хаос. В отличие от Москвы, которая рассматривает (или во всяком случае рассматривала большую часть времени с 2001 г.) присутствие США в Афганистане как фактор по крайней мере частично позитивный, содействующий борьбе с талибами и радикализмом и терроризмом в целом, Пекин воспринимает американское присутствие в регионе как часть стратегии США по военному окружению и сдерживанию Китая, а потому – однозначно негативно.

Однако, эти различия носят характер нюансов и не сказываются на общности интересов Москвы и Пекина в том, чтобы свести влияние и роль внешних центров силы в Центральной Азии к минимуму. Тем более, в 2012–2013 гг. Россия стала расценивать роль Вашингтона и в Центральной Азии и в самом Афганистане всё более негативно, воспринимая в штыки практически все его инициативы в отношении региона на период после 2014 г., включая способы содействия безопасности, экономическому развитию Афганистана и пути борьбы с наркотрафиком. И действительно, практические результаты тринадцатилетнего американского присутствия в этой стране по каждому из этих направлений как минимум скромные.

Проведённый анализ интересов России и КНР в Центральной Азии показывает, что в целом, несмотря на некоторую конкуренцию в геополитической сфере и энергетике, они совместимы и могут быть выстроены таким образом, при котором не будут толкать стороны к региональному соперничеству. Последнее вполне можно предотвратить. Для этого сторонам стоит провести как можно более открытый и доверительный диалог относительно целей и стратегий друг друга в Центральной Азии и наметить пути согласования, которые объективно существуют. В дальнейшем России и КНР имеет смысл проводить политику управления «мягкой» конкуренцией в регионе на основе согласованных интересов, в том числе в энергетике и разделении вопросов и областей ответственности. Нужно иметь в виду, что в условиях усиления конфронтации в российско-американских отношениях у Китая может возникнуть соблазн оказать на РФ большее давление и усилить за счёт неё свои позиции в Центральной Азии. В этой связи Москве следует избегать как излишней уступчивости Пекину, так и эскалации конкуренции до регионального соперничества, предлагая вместо этого путь согласования интересов друг друга.

В области экономики России и Китаю также разумно пойти по пути согласования интересов, которые, как показал анализ, лишь частично противоречат друг другу, а большей частью являются параллельными. Прежде всего, стоит договориться о долях контроля над поставками центральноазиатских энергоресурсов, а также о допустимой доле КНР в товарообороте тех стран региона, которые стремятся участвовать в ориентированных на РФ интеграционных проектах. Одновременно следует интенсифицировать сотрудничество в области развития в регионе транспортной, энергетической и иной инфраструктуры, что отвечает интересам экономического роста стран ЦА и выгодно и России и КНР. Данная инфраструктура может гармонично вписаться в планы России и Китая по развитию трансевразийских транспортных артерий, соединяющих Ев-

ро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский регионы. Отдельные элементы новой китайской инициативы экономического пояса «Новый шёлковый путь», заключающиеся в строительстве транспортных магистралей Китай – Центральная Азия – Россия, могут стать ценным компонентом этого сотрудничества.

Что касается взаимодействия по регулированию экономического сотрудничества России и КНР в Центральной Азии, то из двух основных дискуссионных вопросов – об «общем рынке» и о правилах и режимах инвестиций в регионе (Банк развития ШОС, Фонд развития ШОС) – сотрудничество возможно лишь по второму. Здесь сторонам опять-таки стоит пойти по пути согласования целей и выработки таких режимов, которые не нарушали бы ни российских, ни китайских интересов и при этом содействовали бы экономическому развитию центральноазиатских государств. В вопросе же об «общем рынке» Россия – страны ЦА – Китай позиции сторон существенно расходятся. Москва видит в нём ощутимый вызов своей экономической безопасности и перспективу захвата рынков стран ЦА китайской продукцией.

В сфере развития правил инвестиций в центральноазиатском регионе существуют и реализуются две инициативы: об учреждении Фонда развития ШОС, которая поступила от России, и о формировании Банка развития ШОС – инициатива Китая. Россия настаивала на создании Фонда развития, где доли акционерного капитала, а, следовательно, и голосование по инвестиционным решениям, будет политическим образом распределено между Россией, Казахстаном и Китаем. Китай же продвигал идею финансового института, который имел бы доступ ко всем инвестиционным проектам в регионе, и капитал которого формировался бы децентрализованным образом, т.е. финансово более обеспеченный Китай мог бы вложить в этот институт больше средств и использовать возможности этого института во многом по своему усмотрению. Окончательного решения этих проблем пока нет, хотя следует ожидать, что в связи с новыми геополитическими реальностями России в скором будущем предстоит сформулировать свою позицию по данным вопросам.

Актуальной остаётся и концепция Энергетического клуба как института, который предоставил бы входящим в него странам равный доступ к контролю за нефте- и газопотоками, равные возможности по отслеживанию динамики спроса на эти ресурсы и развитию энергетического машиностроения, совместных перерабатывающих предприятий, гидро- и атомной энергетики. Данный клуб, идею которого продвигает Россия, может стать удобной формой согласования энергетических интересов России и КНР в Центральной Азии, а также в перспективе стимулом к снижению сырьевой ориентации как РФ, так и стран ЦА.

В целом все эти идеи вполне гармонируют с предложенной новым китайским руководством концепцией экономического пояса «Новый шёлковый путь» как коридора инвестиций, которые свяжут КНР, Центральную Азию и Россию в более интегрированный экономический комплекс. России имеет смысл отреагировать на эту инициативу в целом позитивно, но при этом предложить наполнить её конкретным содержанием совместно и с привлечением государств Центральной Азии. В частности, разумно сфокусировать её на развитии определенных инвестиционных и инфраструктурных, в том числе транспортных и энергетических, проектов в рамках коридора Китай – центральноазиатские

страны – Россия, на выработке правил регулирования инвестиций и торговли. Менее перспективен интеграционный аспект этой инициативы и движение к созданию «большого» евразийского сообщества экономической интеграции, которое включало бы Китай. Это создало бы прямой вызов российским интеграционным проектам на пространстве СНГ и, с учётом различий в экономических потенциалах России и КНР, было бы воспринято Москвой как угроза её экономической безопасности.

Наконец, в сфере безопасности, где интересы России и Китая преимущественно совпадают, им стоит фокусировать сотрудничество прежде всего на купировании угроз, связанных с Афганистаном и вероятным углублением хаоса в нём после вывода из страны большей части американского контингента в 2014 году. Поскольку именно Афганистан как источник экстремизма, радикализма, терроризма и наркотрафика, представляет собой основную «внешнюю» угрозу стабильности и безопасности государств Центральной Азии, это сотрудничество включает в себя два главных направления: содействие стабилизации ситуации в самом Афганистане и усиление государственных институтов и структур безопасности в регионе Центральной Азии.

Постепенное сокращение американской вовлечённости в афганские дела объективно повышает роль региональных центров силы в общих усилиях по стабилизации этой страны в средне- и долгосрочной перспективе. России и Китаю в силу их военных, политико-дипломатических и экономических возможностей, а также уязвимости (особенно в случае РФ) перед угрозами, исходящими от Афганистана, предстоит сыграть в этом вопросе лидирующие роли. Разумеется, в двустороннем порядке Москве и Пекину проблемы Афганистана решить невозможно, и в сотрудничество должны быть вовлечены все ключевые региональные игроки, оказывающие большое воздействие на ситуацию в этой стране: Пакистан, Иран, Индия и страны Центральной Азии. Кроме того, следует сохранить диалог с США и европейскими государствами, а также Японией, влияние которых в Афганистане будет сохраняться ещё длительное время и которые инвестировали в эту страну существенные ресурсы и средства.

Представляется логичным и желательным, если бы роль главного регионального координатора сотрудничества по Афганистану и основного механизма принятия коллективных решений на региональном уровне взяла на себя ШОС. В организацию уже в качестве членов или наблюдателей вовлечены все ключевые региональные игроки, от действий которых зависит развитие Афганистана и которые обладают влиянием на ведущие политические силы страны. Поскольку и Пакистан, и Иран, и Индия являются наблюдателями в ШОС, создать в рамках организации специальную контактную группу по Афганистану, в которой они обладали бы правами принятия решений, не представляется затруднительным.

Интересы Соединённых Штатов в Афганистане

Соединённые Штаты в ШОС не участвуют и относятся к организации весьма подозрительно. Тем не менее, подключение США к рассмотрению проблематики Афганистана в рамках ШОС и, возможно, даже предоставление им статуса наблюдателя в организации, было бы целесообразно и имело бы позитивные

последствия не только для ситуации в самом Афганистане и, как следствие, в Центральной Азии, но и для российско-американских отношений в целом.

Во-первых, именно от Вашингтона зависит, в каком виде Афганистан будет пребывать после 2014 г., когда его «унаследуют» региональные игроки, и какой формат многостороннего, в том числе регионального, сотрудничества по нему будет на тот момент существовать. Соответственно, усилия США и НАТО, с одной стороны, и России и Китая, с другой, которые на сегодняшний день носят разнонаправленный и несогласованный характер, следует скоординировать уже сейчас, не дожидаясь полного ухода США.

Во-вторых, США, судя по всему, намерены продлить своё остаточное военное присутствие в Афганистане на период до 2016 г., а потому будут продолжать оказывать на состояние безопасности в этой стране и политику Кабула решающее воздействие. Этот период необходимо использовать для того, чтобы добиться совместимости подходов США и их союзников, с одной стороны, и России и КНР – с другой, по обеспечению безопасности, стабильности, экономического развития Афганистана и борьбе с наркотрафиком, и тем самым подготовить гармоничную «передачу ответственности» за Афганистан от США к региональным игрокам и не допустить резкого ухудшения обстановки в этой стране после сокращения американского присутствия.

В-третьих, и после вывода коалиционных войск США и их союзники будут оказывать Афганистану экономическую и консультационную помощь и нести преимущественную ответственность за его дальнейшее состояние и развитие, – примерно как это происходит в Ираке. В целях улучшения эффекта эту помощь и содействие целесообразно скоординировать с усилиями, предпринимаемыми на региональном уровне.

Учитывая роль как США, так и региональных игроков в развитии Афганистана, представляется, что в любом случае сотрудничество Вашингтона, Москвы и Пекина между собой и способность проводить более скоординированные стратегии в отношении этой страны повысят шансы Афганистана избежать нового погружения в хаос или нового захвата большей части территории страны талибами и перейти к относительно стабильному развитию после десятилетий перманентной войны. Тем самым, будет снижено дестабилизирующее воздействие на страны Центральной Азии, что в интересах всех указанных держав. В случае же если Россия, Китай и США так и не смогут сблизить свои стратегии в самое ближайшее время, вероятность ещё большей дестабилизации в Афганистане возрастёт – с крайне негативными последствиями для стран Центральной Азии, а также самих РФ, КНР и США.

Более того, реальное сотрудничество по Афганистану может стать важным фактором постепенного преодоления новой российско-американской конфронтации, начавшейся в 2013–2014 гг., и важным вкладом в смягчение китайско-американского соперничества в Азии и АТР в целом. Равным образом, если подходы России, Китая и США по Афганистану будут по-прежнему носить разнонаправленный характер и вместо сотрудничества будет и далее иметь место критика и взаимные обвинения, это окажет на отношения Россия – США и Китай – США дополнительное негативное воздействие. В первом случае это чревато распространением российско-американского соперничества на

постсоветском пространстве из его западной части на Центральную Азию. Пока — на июнь 2014 г. оно в этом регионе отсутствует в силу сокращающейся вовлечённости США. Во втором случае Китай воспримет вероятное продолжение военного (хотя и ограниченного) присутствия США в Афганистане как часть их стратегии по окружению и сдерживанию КНР, что усилит негативные тенденции в их отношениях.

Выстраивание же многостороннего сотрудничества РФ — КНР — США по Афганистану в рамках ШОС и с подключением других региональных игроков не только снизит китайские и российские опасения в связи с военным присутствием США в Афганистане, но и направит это присутствие в позитивное для РФ и КНР и их интересов русло, наладит сотрудничество, которое будет иметь для российско-американских и американо-китайских отношений в целом кумулятивный эффект.

Наконец, использование ШОС в качестве главного регионального инструмента обеспечения безопасности и стабильности Афганистана, а также укрепления устойчивости стран ЦА перед лицом афганской нестабильности оправдано не только потому, что при подключении к этому взаимодействию ШОС будет включать в себя всех необходимых и заинтересованных игроков (и организация уже имеет в этой сфере немало наработок), но и потому, что это существенно активизирует саму ШОС и российско-китайское сотрудничество в рамках организации, причём в полностью приемлемом для Москвы и Пекина виде.

Официальное становление ШОС в качестве организации, отвечающей за стабильность и развитие Афганистана и связанную с этим безопасность окружающего его региона, понимание этого как новой миссии ШОС на ближайшие годы позволит разрешить проблему дальнейшего развития этой организации, которая возникла в последние годы и стала важным раздражителем в российско-китайских отношениях. А именно: Москва довольно ревностно относится к масштабной активизации ШОС и её возможному превращению в ключевую организацию по безопасности в регионе, что, естественно, снижает значимость ОДКБ. В этой связи Россия осторожно сдерживала сотрудничество в рамках организации, причём не только в экономической сфере, но и в сфере безопасности, к большому разочарованию КНР. Фокусирование ШОС на Афганистане решит эту проблему. Возникнет разделение труда между ОДКБ, ответственной за порядок безопасности и купирование угроз уже на территории центральноазиатских стран, и ШОС, которая нацелилась бы на проблемы Афганистана с участием всех ключевых региональных игроков и США. Кроме того, это стало бы миссией организации на ближайшие годы и наладило бы практику многостороннего сотрудничества России, Китая и США по решению проблем региональной безопасности. Тем самым, это могло бы дать старт для качественной трансформации их отношений как в центральноазиатском регионе, так и в Азии вообще, к выходу российско-американских и американо-китайских контактов за пределы нулевой суммы.